

МИРОВАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ В МИНИАТЮРЕ (ЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА И ТВОРЧЕСКИЕ ЗАМЫСЛЫ А. С. ПУШКИНА)*

Личная библиотека А. С. Пушкина давно стала предметом научного изучения, а фундаментальный труд Б. Л. Модзалевского,¹ усилиями которого она оказалась в Пушкинском Доме, до сих пор служит импульсом и источником для новых разысканий. Чаще всего работы посвящены или процессу собирания библиотеки и ее судьбе, или конкретным изданиям и их влиянию на творчество.² Между тем многие из книг библиотеки Пушкина дают возможность поставить вопрос о двух этапах творческого процесса: возникновение замысла и его реализация.

С. А. Соболевский, определяя цели собирания и требования к личным библиотекам, дал то их определение, которое, видимо, вполне приложимо к Пушкину: «Моя библиотека, кроме специальностей, составлена иначе: она есть отражение моей умственной жизни».³ «Отражением умственной жизни» Пушкина была и его библиотека, а проекцией библиотеки оказалось творчество.

Кстати, уже после смерти поэта он же высказал любопытное мнение о своеобразии и ценности библиотеки Пушкина. Вот строки его письма П. А. Плетневу и В. А. Жуковскому от 13 (25) февраля 1837 года из Парижа: «Библиотека Пушкина многого не стоит; эта библиотека не ученая, не специальная, а собрание книг приятного, общепользального чтения, книги эти беспрестанно перепечатываются; делаются издания и лучше и дешевле; очень немногие из них годятся в библиотеки публичные. И так не думаю, чтобы их могло купить какое-нибудь правительственное место; а надобно их продать с аукциона, продать наскоро. — Для таких *обыкновенных* книг аукционная продажа выгодна по незнанию толка в книгах публики. Книги же лучшие, солидные, стоящие денег, на этих же аукционах разберем подороже мы са-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00856, <https://rscf.ru/project/24-18-00856/>, ИРЛИ РАН.

¹ Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина: Библиографическое описание. СПб., 1910 (Пушкин и его современники. Вып. IX–X).

² См., например: Берков П. Н. Личные библиотеки трех русских писателей (Ломоносова, Пушкина, М. Горького) // Книга. Исследования и материалы. М., 1963. Т. 8. С. 349–376; Вацу-ро В. «Книг, ради Бога, книг!» (А. С. Пушкин) // «Они питали мою музу...» Книги в жизни и творчестве писателей. М., 1986; Митник М. Судьба личной библиотеки А. С. Пушкина // Митник М. Пушкин без легенд. Нью-Йорк, 1994. С. 36–43; Лобанова Э. Ф. Михайловская библиотека Пушкина: Попытка реконструкции каталога / Предисловие Л. В. Сергеевой. М., 1997; Елин Ю. Пушкин-книголюб // Наш венок Пушкину: Альманах / Хайфский библиофил. Хайфа, 2001. Вып. 1 / Сост. Б. Зильберштейн. С. 11–18; Орнатская Т. И. Библиотека Пушкина // Быт пушкинского Петербурга: Опыт энциклопедического словаря / Руководитель проекта И. С. Чистова. СПб., 2003. [Т. 1]. А–К. С. 67–69.

³ Цит. по: Берков П. Н. Из истории русской библиофильской литературы // Берков П. Н. Русские книголюб. М.; Л., 1967. С. 194.

ми...». ⁴ Подчеркнем, «обыкновенные книги» необыкновенной библиотеки необыкновенного поэта.

Однако вполне вероятно, что мотивировка данной оценки стандартна и была вполне предсказуема, коль скоро принадлежит она перу коллекционера. Соболевский надеялся получить в свое собрание несколько интересовавших его изданий, а для этого было необходимо, чтобы книги продавались на аукционе, а не были бы приобретены как неделимое целое каким-либо учреждением культуры.

В статье «Певец империи и свободы» Г. П. Федотов писал: «Как не выкинешь слова из песни, так не выкинешь политики из жизни и песен Пушкина. Хотим мы этого или не хотим, имя Пушкина остается связанным с историей русского политического сознания». ⁵ С ним трудно не согласиться. При этом ни песни, ни жизнь Пушкина в политику от этого не превращаются. Они с нею лишь связаны. И если в письме Н. И. Гнедичу в 1825 году Пушкин утверждал: «История народа принадлежит Поэту», ⁶ мы понимаем, что, с его точки зрения, если она и принадлежит государю, историку и политике (а она им принадлежит), то все же лучше в ней разберется поэт.

Творчество Пушкина неотторжимо от его личной библиотеки, несмотря на то, что творчество было «поэтическим», а сама библиотека — скорее «геополитической», т. е. исторической, географической и политической.

Книжное собрание Пушкина, вероятно, напоминало по своему составу библиотеки В. А. Жуковского, П. А. Вяземского, П. Я. Чаадаева или Ф. И. Тютчева, хотя у Жуковского и Вяземского превалировала художественная литература, у Чаадаева философская и религиозная литература, а у Тютчева — книги о международных отношениях. В двух последних случаях трудам исторического, философского, религиозного и политического содержания, по всей видимости, было отведено не меньшее, а может быть, и большее место, чем художественной литературе. ⁷

Предположим также, что пушкинская библиотека и от этих, самых близких ей по составу и по тематике, отличалась тем, что огромное место в ней занимал раздел, посвященный странам и народам мира, их географии, истории, обычаям, культуре, в том числе путевым заметкам паломников, путешественников, торговцев, авантюристов.

Такие микробиблиотеки из собрания Пушкина самым непосредственным образом отражали его «геополитические» интересы и формировали творческую индивидуальность поэта. Одной из заметных особенностей мировидения Пушкина была его постоянная погруженность в темы внешнеполитической судьбы России. (Не забудем, что после окончания Лицея Пушкин был определен в Коллегию иностранных дел.)

В библиотеке Пушкина изданий на иностранных языках приблизительно в два раза больше, чем на русском. В ней находились книги на четырнадцать

⁴ Цит. по: Модзалевский Л. Б. Библиотека Пушкина: Новые материалы // Лит. наследство. 1934. Т. 16/18. С. 1023.

⁵ Федотов Г. П. Певец империи и свободы // Пушкин в русской философской критике: Конец XIX — первая половина XX в. М., 1990. С. 356.

⁶ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. М.; Л., 1937. Т. 13. С. 145.

⁷ Впрочем, за исключением библиотеки Жуковского и, отчасти, Чаадаева (Громова А. В. Каталог библиотеки П. Я. Чаадаева // Вестник Российской академии наук. 2001. Т. 71. № 12. С. 1131–1133), наши предположения основаны на описании юношеской библиотеки Вяземского (Егерева Т. А. Юношеская библиотека князя П. А. Вяземского в период учебы в иезуитском пансионе (По неизданным материалам Остафьевского архива) // Россия и Запад: диалог культур. Сб. материалов XXIV Международной конференции. М., 2022. С. 88–99), а личная библиотека Тютчева практически не сохранилась, и ее состав ученым приходится реконструировать: Ильина О. Н. «...Начитанность его была изумительна»: книга и чтение в жизни Ф. И. Тютчева // Библиотечное дело. 2003. № 12. С. 14–16 (200-летие Тютчева).

иностранных языках. Что же касается выписок, которые сохранились в бумагах поэта, то они — на шестнадцати языках: французском, английском, итальянском, немецком, испанском, старофранцузском, польском, сербском, украинском, древнегреческом, латинском, древнееврейском, арабском, турецком, древнерусском и церковнославянском.⁸

Справедливости ради надо сказать, что интересы Пушкина не исчерпывались литературой и геополитикой, но имели едва ли не всеобъемлющий характер. В библиотеке поэта хранятся книги по медицине, шахматам, кулинарии, криминалистике, коневодству, юриспруденции, политической экономии и многим другим наукам и сферам человеческих пристрастий и увлечений. Из изданий, не сохранившихся в коллекции, стоит упомянуть подаренное Николаем I «Полное собрание законов Российской империи» (с 1649 по 1825 год, в 45 томах).⁹

Согласно Ю. М. Лотману, «создание грандиозной картины мировой цивилизации как некоего единого потока»¹⁰ было одной из главных задач Пушкина, особенно в 1830-е годы. Вдохновляющим стимулом для этого на протяжении всей его жизни была прежде всего личная библиотека.

Не будет преувеличением сказать, что личная библиотека Пушкина является закапсулированной в книги всемирной историей и мировой цивилизацией в миниатюре. Она распадается на микробиблиотеки, в которые входят книги, имеющие отношение к странам и народам мира, в каждой из них есть такие разделы, как география, история, международные отношения, путешествия, литература, философия, искусство, словари, учебники.

Своеобразие творческой индивидуальности Пушкина, по-видимому, состояло в том, что поэт умел откликаться не только на саму реальность, но и на ту реальность, которую он в отраженном виде находил в книгах. Именно поэтому столь большое значение, возможно большее, чем для всех его современников, для него имела личная библиотека.

Пушкин был наделен редкой способностью видеть себя в «чужом» и увидеть «чужое» в себе. В литературных поисках он с одинаковым увлечением отдавался созданию своих версий того, что является всеобщим достоянием, в частности мировых образов, но также и того, что, перевоплотив, можно было наделить особенностями своего мировидения, прежде всего переводами. Если же речь идет о художнике, в этом отношении Пушкину не было равных во всей мировой литературе.¹¹

Нередко обращение к широко известным в европейской культуре сюжетам с последующей радикальной их переработкой представляло собой типичную для Пушкина первую фазу работы над собственным замыслом. В немалом числе случаев подобный претекст мы обнаруживаем в книгах из библиотеки поэта.

Особого внимания заслуживает «Граф Нулин» — оригинальное пушкинское произведение, иронически постулируемое им как переосмысление шекспировской поэмы. Классический пример раскрытия причинно-следственных связей, существующих между прочитанной книгой и собственным лите-

⁸ См.: Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты / Подг. и комм. М. А. Цявловский, Л. Б. Модзалевский, Т. Г. Зенгер. М.; Л., 1935. С. 21–110 и др.

⁹ См.: Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина: Библиографическое описание. С. 371.

¹⁰ См.: Лотман Ю. М. Александр Сергеевич Пушкин: Биография писателя // Лотман Ю. М. Пушкин. Биография писателя. Статьи и заметки, 1960–1990. «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб., 1995. С. 169.

¹¹ См. подробнее: Багно В. Е. Дар двоякого свойства: чужое слово как свое, свое слово как чужое у Пушкина // Русская литература. 2018. № 3. С. 5–18.

ратурным творчеством, предоставил в наше распоряжение сам Пушкин несколько лет спустя после создания поэмы в наброске «<Заметка о „Графе Нулине“>» (1830): «В конце 1825 года находился я в деревне. Перечитывая Лукрецию, довольно слабую поэму Шекспира, я подумал: что если б Лукреции пришла в голову мысль дать пощечину Тарквинию? быть может, это охладило б его предприимчивость, и он со стыдом принужден был отступить? — Лукреция б не зарезалась, Публикола не взбесился бы, Брут не изгнал бы царей, и мир и история мира были бы не те. <...> Мысль пародировать историю и Шекспира мне представилась, я не мог воспротивиться двойному искушению и в два утра написал эту повесть».¹² «Если теперь подвести итог „двойной пародии“, — писал С. Г. Бочаров, — по объяснению Пушкина в заметке о „Графе Нулине“, то это — двойная пародия на Шекспира и на историю, но также на обе историографические концепции — абсолютный детерминизм и абсолютный индетерминизм, отдающий историю во власть индивидуального произвола и случая (пощечина верной жены). Случай, Судьба, Провидение».¹³

Совсем иную мотивировку имели два обращения Пушкина к «Песни песней» Соломона: «В крови горит огонь желанья» и «Вертоград моей сестры». Сохранился пушкинский черновик с выпиской из церковнославянского текста (Песн. 1: 1–2) и переводом («Да лобзает меня лобзанием уст своих. Перси твой приятнее вина и запах мира твоего лучше всех аромат — имя твое сладостно как излиянное миро»)¹⁴ При первой публикации в «Московском вестнике» оба стихотворения были напечатаны под названием «Подражания», без упоминания «Песни песней», и перевод, и ссылки на которую не рекомендовались и вызывали трудности с прохождением через цензуру.¹⁵ Эти стихотворения не являются переложением конкретных отрывков библейской книги. В полном соответствии с принципом «чужое слово в своем; свое слово в чужом» поэт создает собственные лирические произведения, вдохновленные великой поэзией прошлого, не пытаясь сохранить и передать особенности ветхозаветного колорита и восточного стиля.

* * *

История, география, археология, этнография вошли в круг интересов Пушкина в период южной ссылки. Об этом вспоминал И. П. Липранди, библиотекой которого Пушкин пользовался в Кишиневе. По его мнению, В. Ф. Равевский «очень много способствовал к подстреканию Пушкина заняться положительнее историей и в особенности географией».¹⁶ Однако, вне всякого сомнения, Пушкин применял к этим книгам «хищный глазомер» поэта, приспособливающего их к собственному литературному творчеству.

Интерес поэта к каждой еще незнакомой ему книге был так велик, что в самом горячем споре Пушкин, по воспоминаниям Липранди, «смирался, когда шел разговор о каких-либо науках, в особенности географии и истории, и легким, ловким спором как бы вызывал противника на обогащение себя сведениями».

¹² Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 188.

¹³ Бочаров С. Г. Возможные сюжеты Пушкина // Коран и Библия в творчестве А. С. Пушкина. Jerusalem, 2000. С. 174.

¹⁴ Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. С. 32.

¹⁵ Подробнее см.: Мурьянов М. Ф. Пушкин и Песнь песней // Временник Пушкинской комиссии. 1972. Л., 1974. С. 47–65.

¹⁶ Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний // Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. 3-е изд., доп. СПб., 1988. Т. 1. С. 297.

Также, по свидетельству мемуариста, «Пушкин всегда после спора о каком-либо предмете, мало ему известном, искал книг, говорящих об оном».¹⁷

Реконструируя тематические блоки, в библиотеке Пушкина можно обнаружить микробibliothеки, составленные из книг, посвященных Франции, Англии, Италии, Германии, Испании, Древней Греции, Древнему Риму, Византии, Персии, Ближнему Востоку, арабскому миру и т. д. Отдельная микробibliothека складывается из сочинений по истории, географии, культуре, литературе Китая, книг путешественников, историков, дипломатов.

Но перед нами прежде всего геополитическая библиотека, поэтому в собрании Пушкина немало книг, посвященных Турции, Польше, Кавказу, Монголии, странам, регионам и народам, которые на протяжении веков благодаря войнам и вооруженным конфликтам сыграли свою роль в том, что позже было названо «судьбами России».

Весьма показательны разрезанные страницы в многотомном труде «Обзор всемирной географии» К. Мальте-Брюна,¹⁸ посвященном не политике, не международным отношениям, а всемирной географии. Разрезаны страницы следующих разделов и глав: Кавказ, Турция, Сибирь, Россия, Польша, Германия.

Отдельной, весьма внушительной, микробibliothекой можно признать книги, посвященные мировым империям, их возникновению и крушению, *translatio imperii*, т. е. переводу-переносу идей, чувств, веры, обычаев, стереотипов из одной империи в другую, а затем уже внутри самих империй — Римской, Византийской, Монгольской, Османской, Испанской, Британской. Но прежде всего Российской, с преимущественным вниманием к петровскому времени и екатерининскому царствованию. Разумеется, эти материалы были необходимы ему для работ по истории Петра и по истории Пугачева, при создании «Полтавы», «Арапа Петра Великого», «Капитанской дочки», «Медного всадника».

Еще один раздел, который вполне может претендовать на право считаться такой же микробibliothекой, — это книги, где Российская империя предстает с точки зрения иностранных путешественников, писателей и ученых.

Среди книг, посвященных Сибири, была в двух изданиях, на английском и французском языках, вторая часть знаменитого романа Даниэля Дефо, в которой описывается путешествие Робинзона Крузо по Сибири.

Да и в целом не будет преувеличением сказать, что один из самых внушительных по объему и важных по ценности разделов библиотеки Пушкина представляет «Rossica», издания на иностранных языках о России, ее истории, географии, этнографии, военном деле, культуре, литературе.

Очевидно, что подобная систематизация весьма условна. Вполне возможны, например, два других подхода: разделение книг по географическому принципу (Западная Европа, Ближний Восток, Кавказ, Средиземноморье, Сибирь) и хронологическому — по эпохам (Древний Египет, Древняя Греция и Древний Рим, европейское Средневековье, итальянское Возрождение, Франция XVII и XVIII веков).

Отдельной микробibliothекой в собрании Пушкина являются книги, посвященные древнееврейскому языку, Библии, истории Израиля.¹⁹ В 1832 го-

¹⁷ Там же. С. 323, 302.

¹⁸ *Malte-Brun C. Précis de la géographie universelle, ou Description de toutes les parties du monde sur un plan nouveau, d'après les grandes divisions naturelles du globe...* Bruxelles, 1829. Т. 1–4. География перечисленных стран и регионов рассматривается во 2–4-м томах. См.: *Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина. С. 280. № 1126.

¹⁹ Подробнее об интересе Пушкина к изучению древнееврейского языка и поэзии древних евреев см.: *Берков П. Н.* Личные библиотеки трех русских писателей: Ломоносова, Пушкина, М. Горького. С. 361.

ду Пушкин собирается переводить Иова и выписывает буквы еврейского алфавита. Тогда же он работает над «Езерским», в котором откликается, с одной стороны, на притчу царя Соломона (Притчи, 30: 18–19), а с другой, на 8-й стих 3-й главы Евангелия от Иоанна.²⁰

Не меньшее внимание, начиная с периода южной ссылки, Пушкин уделял исламу, литературе, истории, географии, этнографии стран Ближнего Востока и Африки, а также путешествиям в страны арабского мира.

Свое отношение к восточным стилизациям в европейской и в русской литературе Пушкин четко формулирует в письме к П. А. Вяземскому в конце марта — начале апреля 1825 года: «...знаешь, почему не люблю я Мура? — потому что он чересчур уже восточен. Он подражает ребячески и уродливо — ребячеству и уродливости Саади, Гафиза и Магомета. — Европейец, и в упоении восточной роскоши, должен сохранить вкус и взор европейца».²¹ В полной мере реализовать на практике высказанную программу Пушкину удалось в «Подражании арабскому».²² При этом источником для последних двух стихов стихотворения послужили строки из книги «Гулистан», впрочем, не арабского, а персидского поэта Саади. В связи с «Подражаниями Корану» внимания заслуживает другое издание, «Изложение мусульманской веры», переведенное на французский язык с турецкого, в котором была также напечатана другая книга Саади.²³

* * *

Пушкин ушел из жизни, не успев осуществить несколько замыслов, посвященных землям и странам Северо-Восточной Азии: Сибири, Камчатке, Китаю. Мы можем убедиться в этом, проанализировав пометы в книгах его личной библиотеки, его письма, свидетельства близко знавших его людей.

Весьма внушительен в библиотеке Пушкина раздел путешествий.²⁴ Однако, как известно, нереализованные путешествия представляют не меньший интерес, чем реализованные. А неосуществленные путешествия Пушкина не

²⁰ См. подробнее в моих работах: *Багно В. Е.* 1) Три равно четырем (зачем крутится ветер в притче царя Соломона и в строфе Пушкина?) // Библиистика — славистика — русистика. К 70-летию заведующего кафедрой библиистики профессора Анатолия Алексеевича Алексеева. СПб., 2011. С. 46–49; 2) Дух или ветер веет, где хочет? // Пушкин и другие (двадцать лет спустя): Сборник статей к 80-летию Сергея Александровича Фомичева. СПб., 2017. С. 20–24.

²¹ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Т. 13. С. 160.

²² Ср. оценку Т. А. Китаниной: «Отказываясь от „ребяческого подражания“ восточной поэзии, он выхватил отдельные яркие ее образы, сохраняя „взор европейца“» (Пушкинская энциклопедия: произведения. СПб., 2020. Вып. 4. С. 186).

²³ *Exposition de la foi musulmane, traduit du turc de Mohammed Ben Pir-Ali Elberkevi, avec des notes par M. Garcin de Tassy. Suivie du Pend-Nameh, poème de Saadi, traduit du persan par le même; et du Borda, poème à la louange de Mahomet, traduit de l'arabe par M. Le baron Sylvestre de Sacy.* Paris; Leipzig; Londres, 1828. Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. С. 291–292. № 1181.

²⁴ Достойны упоминания такие, например, книги: *Bell d'Autermony J.* Voyage depuis St.-Petersbourg en Russie dans diverses contrées de l'Asie... Paris, 1766; *Миллер Г. Ф.* Описание Сибирского царства и всех произшедших в нем дел: от начала, а особливо от покорения его Российской державе по сии времена. СПб., 1750. Книга Шаппа д'Отроша («Voyage en Sibérie...» (Amsterdam, 1769)), выделявшаяся на общем фоне вызывающе резкими отзывами о России, не оставила Пушкина равнодушным. В бумагах поэта сохранился черновой набросок статьи 1836 года, по-видимому предназначавшейся для журнала «Современник», в которой упомянут «Антидот» — отповедь Екатерины II французскому академику. Пушкин приобрел также книгу знаменитого путешественника Г. Шелехова, ездившего с торговыми целями в конце XVIII века на Камчатку, к берегам Японии и принимавшего участие в появлении русских колоний в Америке. Была в библиотеке и знаменитая книга авантюриста М. А. Бенъовского («Voyages et Mémoires de Maurice-Auguste...» (Paris, 1791)), породившая целую серию романов и пьес на различных языках.

менее увлекательны, чем осуществленное путешествие Онегина, о котором мы мало что знаем. По маршрутам личной библиотеки можно вслед за Пушкиным совершать разнообразные воображаемые путешествия, которые как источник вдохновения нигде, кроме Арзрума, за пределами Российской империи не побывавшего поэта были столь же необходимы, как и книги.

Иначе не объяснить, почему Пушкин просил позволить ему поехать в Китай в составе дипломатической миссии. Об этом речь идет в официальном обращении поэта 7 января 1830 года к А. Х. Бенкендорфу: «Покамест я еще не женат и не зачислен на службу, я бы хотел совершить путешествие во Францию или Италию. В случае же, если оно не будет мне разрешено, я бы просил соизволения посетить Китай с отправляющимся туда посольством».²⁵

По-своему не менее замечателен ответ Бенкендорфа: «...Его Императорское Величество не соизволил удовлетворить Вашу просьбу о разрешении поехать в чужие края, полагая, что это слишком расстроит Ваши денежные дела, а кроме того отвлечет Вас от Ваших занятий. Желание Ваше сопровождать наше посольство в Китай также не может быть осуществлено, потому что все входящие в него лица уже назначены и не могут быть заменены другими без уведомления о том Пекинского двора».²⁶

Интерес Пушкина к Китаю был продиктован не только прагматическими надеждами на участие в дипломатической миссии. Известно, что уже после получения отказа на свое прошение поэт, находясь в имении Гончаровых Полотняный завод в окрестностях Калуги, читает книги о Китае: «Описание Китайской империи», «О градах китайских».²⁷

Как еще в 1937 году отметил М. П. Алексеев, в истории ознакомления Пушкина с Китаем первостепенную роль сыграл Н. Я. Бичурин (Иакинф).²⁸ Пушкин познакомился с ним в 1828 году, уже после возвращения Иакинфа из Китая, где тот провел четырнадцать лет (1807–1821) в качестве начальника православной духовной миссии и откуда вернулся с редким для той поры знанием китайского языка, а также истории и культуры не только Китая, но и в целом Дальнего Востока. По воспоминаниям современников, будучи страстным поклонником китайской культуры, Бичурин противопоставлял Китай Западу и европейской цивилизации. Многочисленные сочинения и переводы с китайского Иакинфа были весьма заметной гранью литературной жизни России той поры, некоторые из них были переведены на французский и немецкий языки. В 1829 году Бичурин подарил Пушкину свою седьмую книгу: «Сань-Цзы-Цзинь, или Троесловие с литографированным китайским текстом» (СПб., 1829).

Для нас она представляет особый интерес, так как вполне вероятно, что сочувственная рецензия, появившаяся на страницах «Литературной газеты», принадлежит перу Пушкина.²⁹ В любом случае бесспорным является тот факт, что Пушкин, если и не был автором отзыва, ознакомился с книгой еще до его опубликования.

Нашего внимания заслуживает также участие Бичурина в экспедиции П. Л. Шиллинга, снаряженной в 1830 году Министерством иностранных дел

²⁵ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 398, 56 (оригинал на французском).

²⁶ Цит. по: А. С. Пушкин: Документы к биографии, 1830–1837. СПб., 2010. С. 14 (оригинал на французском).

²⁷ См.: Щеглов Ив. Три дня в городе Калуге (Из записной книжки) // Щеглов Ив. Подвижник слова: Новые материалы о Н. В. Гоголе. СПб., 1909. С. 36.

²⁸ См.: Алексеев М. П. Пушкин и Китай // Алексеев М. П. Пушкин и мировая литература. Л., 1987. С. 333–344.

²⁹ Блинова Е. М. «Литературная газета» А. А. Дельвига и А. С. Пушкина, 1830–1831: Указатель содержания. М., 1966. С. 49, 139–141.

для обследования бурят и собирания сведений о торговле у северных и западных границ Китая. Именно их Пушкин имеет в виду под «друзьями», к которым обращается в стихотворении 1829 года:

Поедем, я готов; куда бы вы, друзья,
Куда б ни вздумали, готов за вами я
Повсюду следовать, надменной убегая:
К подножью ли стены далекого Китая,
В кипящий ли Париж, туда ли, наконец,
Где Тасса не поет уже ночной гребец.³⁰

Более того, впечатления Иакинфа об этой экспедиции нашли отражение в «Истории Пугачева», где Пушкин коснулся темы бегства приволжских калмыков на границу с Китаем, погони, организованной русскими властями, расправы над ними и принятия китайского подданства теми, кому удалось спастись. В «Истории Пугачева» читаем: «Самым достоверным и беспристрастным известием о побеге калмыков обязаны мы отцу Иакинфу, коего глубокие познания и добросовестные труды разлили столь яркий свет на сношения наши с Востоком. С благодарностью помещаем здесь сообщенный им отрывок из неизданной еще его книги о калмыках».³¹

* * *

Желание прочитать книгу явствует из ее приобретения, при этом страницы в ней могут быть не разрезаны, поскольку интерес к ней мог быть временно отодвинут другими книгами. Значительно более красноречивым доказательством особого, как правило творческого, отношения являются разрезанные отдельные страницы, главы или разделы книг, ради которых они, видимо, и приобретались.

Мотивация выбора таких мест может быть общекультурной, как в книге Альфонса де Ламартина, где поэта заинтересовали фрагменты, посвященные путешествию в Иерусалим.³² Или — «геополитической», как в «Истории Польши» А. Флетчера, переведенной с английского на французский, во втором томе которой страницы разрезаны в главе, посвященной восстанию Костюшко и его пленению.³³

Самое непосредственное отношение к творческой лаборатории поэта имеет, например, книга В. Фонтанье «Путешествия на Восток», страницы которой разрезаны в нескольких местах, в том числе там, где дается описание Арзрума. Между 86-й и 87-й страницами положена закладка, а возле названия «Le Kizil-Ermaq» на полях рукою Пушкина написано «Переправа».³⁴

Наконец, ряд книг свидетельствует об интересе поэта к своей родословной. Так, в труде Мальте-Брюна, в разделе, посвященном Африке, Пушкин

³⁰ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 3. Кн. 1. С. 191. См. об этом пушкинском замысле: *Путята Н. В.* Из записной книжки // Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 6.

³¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 9. Кн. 1. С. 95.

³² *Lamartine A.* Souvenirs, impressions, pensées et paysages pendant un voyage en Orient (1832–1833), ou Notes d'un voyageur. Paris, 1835. Т. 3. См.: *Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина. С. 267. № 1067.

³³ *Fletcher A.* Histoire de Pologne: Traduite de l'anglais, et continuée depuis la Révolution de Novembre 1830, jusqu'à la Prise de Varsovie et la fin de la Guerre... Paris, 1832. См.: *Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина. С. 233. № 918.

³⁴ *Fontanier V.* Voyages en Orient, entrepris par ordre du gouvernement francais, de l'année 1821 à l'année 1829... Paris, 1829. См.: *Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина. С. 233. № 919.

разрезал страницы в главе, в которой дается описание Абиссинии.³⁵ Попутно добавим, что подобно тому, что Пушкин рассуждал о «полу-африканской Гишпании»,³⁶ если судить по его личной библиотеке, приобретая книги, посвященные путевым очеркам по Италии, ее истории и географии, поэт особое внимание уделял Сицилии, также как бы «полуафриканской».

Весьма показательны отличия между «итальянской» и «немецкой» библиотеками. Если в первой — более 50 наименований и подавляющая часть изданий имеет отношение к итальянской литературе и искусству Италии, то во второй, где более 30 наименований книг, художественная литература занимает более скромное место. При этом в «немецкой» библиотеке в основном представлены труды по истории (в том числе истории войн и вооруженных конфликтов), географии, философии, словари и труды по языкознанию. Если Италия была для Пушкина источником вдохновения, то интерес к Германии перекликался с увлечением Пушкина немецкой историей, международными отношениями Германского союза, философией и географией.

Значительно меньшей по объему является испанская микробиблиотека, в которой, однако, были и художественная литература на французском, испанском и русском языках, и путешествия, и история, и словари, и учебники. Любопытно, что по своему составу она занимает как бы промежуточное положение между итальянской и немецкой, поскольку поэту в равной степени были важны как испанская литература (прежде всего Кальдерон и Сервантес, непререкаемые авторитеты для идеологов немецкого романтизма и для их русских последователей), на которую в 1820-е годы, наряду с английской, в значительной мере переориентировалось его поколение с французской словесности, так и политика и история (книги о наполеоновских войнах, революционных событиях 1820-х годов).

Для творческой лаборатории Пушкина определенное значение могли иметь два издания на испанском языке. С одной стороны, это четырехтомное издание Кальдерона, опубликованное в Лейпциге, где разрезаны страницы пьесы «Маг-чудодей».³⁷ Дело в том, что и Пушкину, и другим русским писателям его поколения было хорошо известно, что в Европе эту кальдероновскую пьесу называли «испанским Фаустом». Пушкин приобрел его уже после написания «Сцены из Фауста», однако тот факт, что именно в ней разрезаны страницы, — показателен. Между тем перевод трех сцен из этой драмы Кальдерона, выполненный П. Б. Шелли, был опубликован в посмертном издании английского поэта в 1824 году. Возможно, одна из сцен могла послужить толчком (и только, как почти всегда у Пушкина) для его собственного замысла. Действие в интересующем нас эпизоде происходит на берегу моря. Начинается он впечатляющей картиной тонущего пиратского (по словам дьявола) судна, на которое взирает герой, не подозревая, что кораблекрушение устроено дьяволом для того, чтобы предстать перед ним наиболее естественным образом.³⁸ С другой стороны, существование «испанского Фауста», даже до его прочтения, могло подсказать поэту «испанский колорит» его собственного произведения («Корабль испанский трехмачтовый, / Пристать в Голландию готовый: / На нем мерзавцев сотни три»³⁹) в духе черной легенды об Испании.

В библиотеке Пушкина было также английское издание «Романсеро» на испанском языке. М. П. Алексеев, наметив определенный путь изучения

³⁵ *Malte-Brun C. Précis de la géographie universelle...* Т. 2. Р. 479–487.

³⁶ См.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Т. 11. С. 37.

³⁷ *Calderon de la Barca P.* Las Comedias. Leipsique, 1827–1830. Т. 1–4.

³⁸ *Shelley P. B.* Posthumous poems / Publ. by M. W. Shelley. London, 1824.

³⁹ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Т. 2. Кн. 1. С. 438.

источников пушкинского «Родрика» и его места в контексте европейских версий о последнем короле вестготов в Испании, впервые еще в 1964 году высказал предположение,⁴⁰ что для поэта, в 1831–1832 годах занимавшегося испанским языком, оно могло иметь существенное значение.⁴¹

В связи в «Родриком» необходимо также учитывать не самую известную книгу Вашингтона Ирвинга «Легенды завоевания Испании», одну из пяти книг американского писателя, находившихся в библиотеке Пушкина.⁴² Ирвинг довольно подробно описывает трагические события в средневековой Испании. Роковая страсть Родриго, последнего короля готов, к дочери графа Юлиана послужила причиной неисчислимых бедствий для его народа и едва не привела к гибели христианской цивилизации.

Заслуживает внимания еще одно издание Ирвинга, в котором разрезаны страницы в большой главе, посвященной Франсиско Писарро, одному из самых знаменитых конкистадоров, завоевателю империи инков.⁴³

Испанский опыт предшествовал русскому и был известен в Москве, послужив возбуждающим примером военно-колониальных завоеваний. О сходстве и различиях двух вариантов экспансии христианской европейской цивилизации на рубеже Нового времени за пределы своего традиционного ареала — на запад в иберийском варианте и на восток в варианте русском — в начале XIX столетия в русской публицистике и литературе появилось много разного рода публикаций.⁴⁴ Поэтому неудивительно, что биография Писарро могла заинтересовать Пушкина в те годы, когда он вынашивал замыслы произведений о Ермаке, покорителе Сибири,⁴⁵ и Алмазове, завоевателе Камчатки.⁴⁶

Невелика по объему американская библиотека. Однако одна из книг, «О демократии в Америке» (1835) Алексиса де Токвиля, произвела на Пушкина сильнейшее впечатление. Французский политический деятель писал о близком сходстве/различии «двух юных гигантов», утверждал, что в мире будут только две державы: американская (демократическая) и русская (самодержавная),

⁴⁰ Алексеев М. П. Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI–XIX вв. Л., 1964. С. 162.

⁴¹ Colección de los más célebres romances antiguos españoles, históricos y caballerescos / Publ. por C. B. Depping. Londres, 1825. T. 1.

⁴² [Irving W.]. Legends of the Conquest of Spain by the author of «The Sketch-book». London, 1836.

⁴³ Irving W. Histoire des voyages et découvertes des compagnons de Christophe Colomb suivie de l'histoire de Fernand Cortez et de la conquête de Mexique, et de l'histoire de Pizarre et de la conquête de Pérou. Paris, 1833. T. 3. См.: Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. С. 255–256. № 1017.

⁴⁴ См.: Алексеев М. П. Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI–XIX вв. С. 16–18; Земсков В. Б. Хроники конкисты Америки и летописи взятия Сибири в типологическом сопоставлении (к постановке проблемы) // Русская литература. 1995. № 3. С. 55–64.

⁴⁵ По-видимому, этот сюжет возник у Пушкина в середине 1820-х годов. В 1826 году Баратынский сообщал ему: «Мне пишут, что ты затеваешь новую поэму „Ермака“. Предмет истинно поэтический, достойный тебя. Говорят, что когда это известие дошло до Парнаса, и Камознс вытарасил глаза. Благослови тебя Бог и укрепи мышцы твои на великий подвиг» (цит. по: Цейтц Н. В. Sibirica в библиотеке Пушкина // А. С. Пушкин и Сибирь. М.; Иркутск, 1937. С. 83).

⁴⁶ Среди бумаг Пушкина сохранились многочисленные заметки, выписки из «Описания земли Камчатки» С. П. Крашенинникова (СПб., 1786), а также конспект, план и начало статьи. Она, по-видимому, предназначалась для журнала «Современник» и была последним творческим планом Пушкина. Судя по конспекту обширного сочинения Крашенинникова, поэт особенно заинтересовала лишь самая последняя небольшая часть этой работы, озаглавленная «Камчатские дела», а именно тема бунтов казаков против своих начальников и камчадалов против казаков, а также колоритная фигура «камчатского Ермака» — Владимира Атласова (подробнее см.: Фомичев С. А. «Камчатка — страна печальная...» // Фомичев С. А. Пушкинская перспектива. М., 2007. С. 483–502).

и предрекал им великое будущее. По горячим следам чтения «славной»,⁴⁷ по его определению, книги Токвиля Пушкин признавался в неотправленном письме Чаадаеву: «Читали <ли Вы> Токвиля? <...> Я еще под горячим впечатлением от его книги и совсем напуган ею».⁴⁸

История и культура европейских стран волновали воображение Пушкина на протяжении всей жизни. Однако в целом интересы расширялись и вектор их менялся. Если в лицейские годы Пушкин был обращен исключительно в сторону Западной Европы, то как его личная библиотека, так и незавершенные замыслы являются неопровержимым свидетельством того, что в поле зрения поэта попадали все новые регионы и страны — Кавказ и мир ислама в годы южной ссылки, Урал и калмыцкие степи в годы подготовки «Истории пугачевского бунта», Китай, земли и страны Северо-Восточной Азии в последние годы жизни.

Отношение Пушкина к предшествующей культурной традиции и его понимание возможностей нового «слова» в контексте давно сказанного замечательно выражено в рецензии поэта на книгу Сильвио Пеллико «Об обязанностях человека»: «*Это уж не ново, это было уж сказано* — вот одно из самых обыкновенных обвинений критики. Но всё уже было сказано, все понятия выражены и повторены в течение столетий: что ж из этого следует? Что дух человеческий уже ничего нового не производит? Нет, не станем на него клеветать: разум неистощим в *соображении* понятий, как язык неистощим в *соединении* слов. Все слова находятся в лексиконе; но книги, поминутно появляющиеся, не суть повторение лексикона. *Мысль* отдельно никогда ничего нового не представляет; *мысли же* могут быть разнообразны до бесконечности».⁴⁹

У Б. Паскаля есть изречение, имеющее самое прямое отношение к вышеприведенному высказыванию Пушкина: «Пусть не корят меня за то, что я не сказал ничего нового: ново уже само расположение материала; игроки в мяч бьют по одному и тому же мячу, но не с одинаковой меткостью. С тем же успехом меня могут корить за то, что я употребляю давным-давно придуманные слова. Стоит расположить уже известные мысли в ином порядке — и получится новое сочинение, равно как одни и те же, но по-разному расположенные слова образуют новые мысли».⁵⁰ Знаменитая книга Паскаля была в библиотеке Пушкина.⁵¹ Русский поэт сказал не совсем то, что до него сказал Паскаль (чужое слово как свое). При этом *мысль* русского поэта, по-новому расставившая слова французского мыслителя, позволяет по-новому прочесть мысль Паскаля (свое слово как чужое).

Новым у Пушкина является его убеждение о безграничных возможностях «духа человеческого», не выходя из границ необъятного культурного наследия человечества, благодаря новому соединению слов, творить новые «соображения понятий», разнообразные до бесконечности. «Расположение материала» в замечательной мысли Паскаля приводит к несколько иным выводам.

В переводах, подражаниях, оригинальных произведениях Пушкин не без помощи своей библиотеки откликнулся на самые разнообразные факты мировой истории и проявления гения человечества: Древнего Египта, Древней

⁴⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 105.

⁴⁸ Там же. Т. 16. С. 421, 261 (оригинал на французском). См. также: Алексеев М. П. К статье Пушкина «Джон Теннер» // Алексеев М. П. Пушкин и мировая литература. С. 546.

⁴⁹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 100.

⁵⁰ Паскаль Б. Мысли. СПб.: Северо-Запад, 1995. С. 26 (пер. Э. Л. Линецкой).

⁵¹ Pascal B. Pensées, suivies d'une nouvelle table analytique. Paris, 1829. См.: Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. С. 307. № 1248.

Греции, Древнего Рима, событий Священного Писания, арабской цивилизации, Османской империи, европейского Средневековья, Смутного времени, Полтавской битвы, Великой французской революции, наполеоновских войн и т. д.

Обращаясь к культурному наследию человечества, в том числе подходя к полкам своей библиотеки, Пушкин был неистощим в «соображении понятий», сумел, опираясь на «предание», внести свой «личный почин»⁵² и тем самым сказать свое, новое слово в осмыслении мировой культуры и истории мировой цивилизации. А первой фазой на пути оригинального творчества было чтение.

Библиотека Пушкина подарит нам еще немало открытий. И не только потому, что личная библиотека любого писателя — это творческая лаборатория. Его библиотека — это библиотека, казалось бы, не столько писателя, сколько мыслителя, дипломата или политика. На самом деле — писателя, для которого чтение было первой фазой оригинального творчества. «Геополитическая библиотека» претворялась в «геопоэтическое творчество».

⁵² См. лекции А. Н. Веселовского «Теория поэтических родов в их историческом развитии» (Симони П. К. Список трудов академика А. Н. Веселовского // Памяти академика Александра Николаевича Веселовского: По случаю десятилетия со дня его смерти. Пг., 1921. С. 29–30).

Всеволод Евгеньевич Багно

научный руководитель Института русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН; член-корреспондент РАН;
профессор Санкт-Петербургского государственного университета

Vsevolod Evgenyevich Bagno

Academic Director, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences; Corresponding Member, Russian Academy of Sciences;
Professor, St. Petersburg State University

ORCID: 0000-0003-1408-5511

vsbagno@gmail.com

**МИРОВАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ В МИНИАТЮРЕ
(ЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
И ТВОРЧЕСКИЕ ЗАМЫСЛЫ А. С. ПУШКИНА)**

**WORLD CIVILIZATION IN MINIATURE
(PERSONAL LIBRARY AND THE CREATIVE ENDEAVORS
OF A. S. PUSHKIN)**

Личная библиотека А. С. Пушкина самым непосредственным образом отражала его геополитические интересы и формировала творческую индивидуальность поэта. По своему составу книжное собрание является моделью всемирной истории и мировой цивилизации в миниатюре. Оно распадается на микробιβотеки, куда входят издания, имеющие отношение к странам и народам мира, в каждой из которых есть такие разделы, как география, история, международные отношения, путешествия, литература, философия, искусство, словари, учебники. Речь идет о бιβотеке писателя, для которого чтение было первой фазой оригинального творчества.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, личная бιβотека, геополитические интересы, творческая лаборатория писателя, микробιβотека.

A. S. Pushkin's personal library was an immediate reflection of his geopolitical interests, shaping the poet's creative personality. Its content makes the book collection a miniature model of world history and world civilization. It is divided into micro-libraries that include publications related to various countries and nations, further subdivided into such sections as geography, history, international relations, travel, literature, philosophy, art, dictionaries, textbooks. We thus have here the library of a writer for whom reading was the first phase of his own creativity.

Key words: A. S. Pushkin, personal library, geopolitical interests, creative laboratory of the writer, micro-library.

Список литературы

1. А. С. Пушкин: Документы к биографии, 1830–1837. СПб., 2010.
2. Алексеев М. П. Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI–XIX вв. Л., 1964.
3. Алексеев М. П. Пушкин и Китай // Алексеев М. П. Пушкин и мировая литература. Л., 1987.
4. Багно В. Е. Дар двоякого свойства: чужое слово как свое, свое слово как чужое у Пушкина // Русская литература. 2018. № 3.
5. Багно В. Е. Дух или ветер веет, где хочет? // Пушкин и другие (двадцать лет спустя): Сборник статей к 80-летию Сергея Александровича Фомичева. СПб., 2017.
6. Багно В. Е. Три равно четверем (зачем крутится ветер в притче царя Соломона и в строфе Пушкина?) // Библистика — славистика — русистика. К 70-летию заведующего кафедрой библистики профессора Анатолия Алексеевича Алексеева. СПб., 2011.
7. Берков П. Н. Из истории русской библѳильской литературы // Берков П. Н. Русские книголюбѳ. М.; Л., 1967.
8. Берков П. Н. Личные бιβотеки трех русских писателей (Ломоносова, Пушкина, М. Горького) // Книга. Исследования и материалы. М., 1963. Т. 8.

9. Блинова Е. М. «Литературная газета» А. А. Дельвига и А. С. Пушкина, 1830–1831: Указатель содержания. М., 1966.
10. Бочаров С. Г. Возможные сюжеты Пушкина // Коран и Библия в творчестве А. С. Пушкина. Jerusalem, 2000.
11. Вацуро В. «Книг, ради Бога, книг!» (А. С. Пушкин) // «Они питали мою музу...» Книги в жизни и творчестве писателей. М., 1986.
12. Громова А. В. Каталог библиотеки П. Я. Чаадаева // Вестник Российской академии наук. 2001. Т. 71. № 12.
13. Егерева Т. А. Юношеская библиотека князя П. А. Вяземского в период учебы в иезуитском пансионе (По неизданным материалам Остафьевского архива) // Россия и Запад: диалог культур. Сб. материалов XXIV Международной конференции. М., 2022.
14. Елин Ю. Пушкин-книголюб // Наш венок Пушкину: Альманах / Хайфский библиофил. Хайфа, 2001. Вып. 1 / Сост. Б. Зильберштейн.
15. Земсков В. Б. Хроники конкисты Америки и летописи взятия Сибири в типологическом сопоставлении (к постановке проблемы) // Русская литература. 1995. № 3.
16. Ильина О. Н. «...Начитанность его была изумительна»: книга и чтение в жизни Ф. И. Тютчева // Библиотечное дело. 2003. № 12.
17. Лобанова Э. Ф. Михайловская библиотека Пушкина: Попытка реконструкции каталога / Предисловие Л. В. Сергеевой. М., 1997.
18. Лотман Ю. М. Александр Сергеевич Пушкин: Биография писателя // Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя. Статьи и заметки, 1960–1990. «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб., 1995.
19. Митник М. Судьба личной библиотеки А. С. Пушкина // Митник М. Пушкин без легенд. Нью-Йорк, 1994.
20. Модзалевский Л. Б. Библиотека Пушкина: Новые материалы // Лит. наследство. 1934. Т. 16/18.
21. Мурьянов М. Ф. Пушкин и Песнь Песней // Временник Пушкинской комиссии. 1972. Л., 1974.
22. Орнатская Т. И. Библиотека Пушкина // Быт пушкинского Петербурга: Опыт энциклопедического словаря / Руководитель проекта И. С. Чистова. СПб., 2003. [Т. 1]. А–К.
23. Паскаль Б. Мысли. СПб.: Северо-Запад, 1995.
24. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. М.; Л., 1937–1949. Т. 2. Кн. 1; 3. Кн. 1; 9. Кн. 1; 11, 12, 13, 14.
25. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. 3-е изд., доп. СПб., 1988. Т. 1.
26. Пушкинская энциклопедия: произведения. СПб., 2020. Вып. 4.
27. Федотов Г. П. Певец империи и свободы // Пушкин в русской философской критике: Конец XIX — первая половина XX в. М., 1990.
28. Фомичев С. А. «Камчатка — страна печальная...» // Фомичев С. А. Пушкинская перспектива. М., 2007.

References

1. A. S. Pushkin: Dokumenty k biografii, 1830–1837. SPb., 2010.
2. Alekseev M. P. Ocherki istorii ispano-russkikh literaturnykh otnoshenii XVI–XIX vv. L., 1964.
3. Alekseev M. P. Pushkin i Kitai // Alekseev M. P. Pushkin i mirovaia literatura. L., 1987.
4. Bagno V. E. Dar dvoiakogo svoistva: chuzhoe slovo kak svoe, svoe slovo kak chuzhoe u Pushkina // Russkaia literatura. 2018. № 3.
5. Bagno V. E. Dukh ili veter veet, gde khochet? // Pushkin i drugie (dvadtsat' let spustia): Sbornik statei k 80-letiiu Sergeia Aleksandrovicha Fomicheva. SPb., 2017.
6. Bagno V. E. Tri ravno chetyrem (zачем krutitsia vetr v pritchke tsaria Solomona i v strofe Pushkina?) // Bibleistika — slavistika — rusistika. K 70-letiiu zaveduiushchego kafedroi bibleistiki professora Anatolii Alekseevicha Alekseeva. SPb., 2011.
7. Berkov P. N. Iz istorii russkoi bibliofil'skoi literatury // Berkov P. N. Russkie knigoliuby. M.; L., 1967.
8. Berkov P. N. Lichnye biblioteki trekh russkikh pisatelei (Lomonosova, Pushkina, M. Gor'kogo) // Kniga. Issledovaniia i materialy. M., 1963. T. 8.
9. Blinova E. M. «Literaturnaia gazeta» A. A. Del'viga i A. S. Pushkina, 1830–1831: Ukazatel' soderzhaniia. M., 1966.
10. Bocharov S. G. Vozmozhnye siuzhety Pushkina // Koran i Bibliia v tvorchestve A. S. Pushkina. Jerusalem, 2000.
11. Egereva T. A. IUonsheskaia biblioteka kniazia P. A. Viazemskogo v period ucheby v iezuitском pansione (Po neizdannym materialam Ostaf'evskogo arkhiva) // Rossiia i Zapad: dialog kul'tur. Sb. materialov XXIV Mezhdunarodnoi konferentsii. M., 2022.

12. *Elin Iu.* Pushkin-knigoliub // Nash venok Pushkinu: Al'manakh / Khaifskii bibliofil. Khafa, 2001. Vyp. 1 / Sost. B. Zil'bershtein.
13. *Fedotov G. P.* Pevets imperii i svobody // Pushkin v russkoi filosofskoi kritike: Konets XIX — pervaya polovina XX v. M., 1990.
14. *Fomichev S. A.* «Kamchatka — strana pechal'naia...» // Fomichev S. A. Pushkinskaia perspektiva. M., 2007.
15. *Gromova A. V.* Katalog biblioteki P. Ia. Chaadaeva // Vestnik Rossiiskoi akademii nauk. 2001. T. 71. № 12.
16. *Il'ina O. N.* «...Nachitannost' ego byla izumitel'na»: kniga i chtenie v zhizni F. I. Tiutcheva // Bibliotechnoe delo. 2003. № 12.
17. *Lobanova E. F.* Mikhailovskaia biblioteka Pushkina: Popytka rekonstruktsii kataloga / Predislovie L. V. Sergeevoi. M., 1997.
18. *Lotman Iu. M.* Aleksandr Sergeevich Pushkin: Biografiia pisatel'ia // Lotman Iu. M. Pushkin: Biografiia pisatel'ia. Stat'i i zametki, 1960–1990. «Evgenii Onegin»: Kommentarii. SPb., 1995.
19. *Mitnik M.* Sud'ba lichnoi biblioteki A. S. Pushkina // Mitnik M. Pushkin bez legend. N'iu-Iork, 1994.
20. *Modzalevskii L. B.* Biblioteka Pushkina: Novye materialy // Lit. nasledstvo. 1934. T. 16/18.
21. *Mur'ianov M. F.* Pushkin i Pesn' Pesnei // Vremennik Pushkinskoi komissii. 1972. L., 1974.
22. *Ornatskaia T. I.* Biblioteka Pushkina // Byt pushkinskogo Peterburga: Opyt entsiklopedicheskogo slovaria / Rukovoditel' proekta I. S. Chistova. SPb., 2003. [T. 1]. A–K.
23. *Paskal' B.* Mysli. SPb.: Severo-Zapad, 1995.
24. *Pushkin A. S.* Poln. sobr. soch.: [V 16 t.]. M.; L., 1937–1949. T. 2. Kn. 1; 3. Kn. 1; 9. Kn. 1; 11, 12, 13, 14.
25. Pushkin v vospominaniakh sovremennikov: V 2 t. 3-e izd., dop. SPb., 1988. T. 1.
26. Pushkinskaia entsiklopediia: proizvedeniia. SPb., 2020. Vyp. 4.
27. *Vatsuro V.* «Knig, radi Boga, knig!» (A. S. Pushkin) // «Oni pitali moi muzu...» Knigi v zhizni i tvorchestve pisatelei. M., 1986.
28. *Zemskov V. B.* Khroniki konkisty Ameriki i letopisi vziatiia Sibiri v tipologicheskom сопоставlenii (k postanovke problemy) // Russkaia literatura. 1995. № 3.

Елена Михайловна Филиппова

младший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Elena Mihajlovna Filippova

Junior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-5347-2293

efilippova69@gmail.com

«МАГНЕТИЧЕСКАЯ ЛЮБОВЬ» И «СЛЕЗЫ-ПРОВОДНИКИ»: РОМАНТИЧЕСКИЕ КЛИШЕ В ЭПИСТОЛЯРИИ И ТВОРЧЕСТВЕ И. А. ГОНЧАРОВА

MAGNETIC LOVE AND TEARS-GUIDES: ROMANTIC CLICHES IN THE EPISTOLARY AND LITERARY LEGACY OF I. A. GONCHAROV

Многие исследователи обращали внимание на автобиографизм прозы И. А. Гончарова, прослеживая образные и цитатные параллели в эпистолярной и художественных текстах. Тем не менее в определенных случаях письма и произведения могут находиться в типологической, а не реминисцентной связи, обращаясь к третьим источникам, например, заимствуя готовые романтические формулы светской повести 1830-х годов (повторяющиеся мотивы любви-электричества, страсти-болезни, магнетического/гипнотического взгляда и неравной любви). Задача данной статьи — дать более полное представление о возникновении магнетических аналогий в романтической